

Л. С. ШЕПЕЛЕВА

Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках

В течение столетий грузинский народ вел героическую борьбу за свое существование с жестокими и хищными агрессорами — султанской Турцией и Персией. На всех этапах этой кровопролитной борьбы Грузия искала и находила союзника и покровителя в лице Русского государства.

В начале XVIII века русско-грузинские связи становятся прочными и постоянными. В Москве, Петербурге, Астрахани, на Украине появляются многочисленные грузинские колонии. Русская культура оказывала благотворное воздействие на культуру грузинского народа. С русского языка на грузинский было переведено значительное количество сочинений. Доблестные сыны грузинского народа участвовали в военных походах Петра I и Суворова.

В составе Русского государства Грузия, как и Россия, пережила развитие капитализма. С возникновением рабочего движения в промышленных центрах России развилось рабочее движение и в Грузии, во главе которого встал великий Сталин. Вместе с русским народом грузинский народ совершил пролетарскую революцию и изгнал с территории Грузии иностранных интервентов и предательское меньшевистское правительство. Плечом к плечу с русским народом грузинский народ, как и другие народы многонационального Советского государства, построил социализм. В дружной семье народов Советского Союза грузинский народ, разгромив националистов, борется за победу коммунизма.

Дружба русского и грузинского народов утвердилась не вдруг, она развивалась и укреплялась в течение многих столетий.

Предлагаемая статья представляет попытку объединить разрозненные сведения о раннем периоде русско-грузинских взаимоотношений — до XVIII века.

* * *

Связи грузинского народа с восточными славянами восходят, по-видимому, к глубокой древности. Однако до нас не дошло ни письменных, ни материальных памятников, которые служили бы доказательством существования этих древнейших связей. О том, что они имели место, мы можем лишь предполагать по некоторым косвенным данным.

Возможно, что в деле сближения Руси с Грузией немалая роль принадлежала Тмутараканскому княжеству. О местоположении Тмутаракани существует более или менее согласное мнение ученых. Это — Таманский полуостров с низовьями реки Кубани. Время существования

Тмутараканского княжества точно не установлено. По данным одних авторов, образование Тмутараканского княжества относится к IX веку, по сведениям других, оно появилось около 967 года, когда Святослав, разбив ясов и косогов, т. е. осетин и черкесов, утвердил господство русских на Таманском полуострове. Тмутараканское княжество просуществовало до начала XII века, когда оно пало от нашествия половцев. Последнее упоминание Тмутаракани в русской летописи мы находим под 1094 годом.

В Грузии в это время шел процесс собирания отдельных княжеств, который завершился к концу X века образованием объединенного Абхазо-грузинского царства.

К сожалению, сколько-нибудь определенных сведений относительно взаимоотношений этих двух государственных образований до нас не дошло.

О значительном культурном влиянии Тмутаракани на народы северо-восточного Кавказа свидетельствует тот факт, что в распространении христианства среди черкесов в X—XI веках, наряду с греко-византийской церковью, принимала участие и тмутараканская епархиальная церковь Бориса и Глеба.

У кабардинцев, наряду с греческим, был распространен и русский алфавит (кириллица). Доказательством этому является надпись на русском и на кабардинском языках, сохранившаяся на каменном надгробном кресте, который был найден в конце XVIII века „на пути из Черкасска в Георгиевск, близ Преградной почтовой станции“, как полагают, на северо-восточном рубеже Тмутараканского княжества.¹

Проблема культурных взаимоотношений Руси с христианским Кавказом поставлена Ф. Шмитом в „Заметках о поздневизантийских храмовых росписях“.² Автор предполагает, что Тмутараканское княжество могло быть местом культурного общения Руси с Закавказьем и Передней Азией. Следы этого общения Ф. Шмит усматривает в особенностях сюжетного разрешения росписей в киевском храме св. Софии, Михайловском монастыре, в Кирилловском монастыре и в ряде храмов Киевской Руси XI и XII веков. Эти особенности чужды византийским росписям, но в росписях грузинских церквей они обычны.

Принятие Киевской Русью христианства послужило делу политического и культурного сближения России и Грузии, где еще в IV веке было введено христианство. Принадлежность русского и грузинского народов к одной и той же православной ветви христианской религии имела большое значение для развития тесных взаимоотношений этих двух народов и еще больше укрепила их вековую дружбу. До нас дошли лишь отрывочные и скудные сведения. Составить по ним ясную и полную картину русско-грузинских взаимоотношений в ранний период их истории очень трудно. Прежде всего воспользуемся теми сведениями, которые дают нам памятники исторической литературы: сборник исторических трудов о Грузии — „Картлис цховреба“³ и русские летописи.

В русских летописях страна, населенная грузинами, называется: Грузия, Гурзия или Иверская (Ыверская) земля. Название города

¹ Г. Турчанинов. Эпиграфические заметки. IV. Кабардинская приписка на памятнике славяно-русского письма XI в. из-под села Преградного. Известия Академии Наук СССР, Отд. литературы и языка, т. VII, вып. I, 1948.

² См.: Византийский временник, т. XXII (1915—1916), Пгр., 1916.

³ „Картлис цховреба“ — „Жизнь Грузии“.

Тбилиси встречается в форме „Тэфлизий“. Название грузинского народа также варьируется: грузи, гурэи, иверы, обезы.¹

Патриаршая, или Никоновская, летопись, Типографская летопись и ряд других летописей под 6662 (1154) годом сообщают известие о женитьбе киевского князя Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, на абхазской княжне. „В лето 6662 женися Изяслав друоугою женою, привед ю из Обез“.² Судя по времени этой женитьбы, большинство исследователей считают, что абхазская княжна была грузинская царевна, сестра Георгия III, отца Тамары.³ Этот первый факт установления прямых родственных отношений между князьями Киевской Руси и Грузией отмечен в „Истории государства Российского“ Н. А. Карамзина.

В труде Базили, (историка Тамары) „Картлис цховреба“, который был найден в 1923 году И. А. Джавахишвили, содержится довольно подробное изложение истории отношений царицы Тамары с русским князем Георгием (Юрием) Суздальским, сыном великого князя Андрея Боголюбского.

Рост производительных сил вызвал к жизни сильное стремление к объединению Грузии в единое государство (X век). Цари-объединители встречали ожесточенное сопротивление феодалов. Мы имеем в виду деятельность таких царей, как Баграт III (975—1014), Давид IV Строитель (1089—1125), Георгий III (1156—1184).

В царствование Тамары (1184—1213) феодальная Грузия достигает наибольшего политического и культурного расцвета. Территория ее простирается от Черного моря до Каспийского. Налаживаются оживленные торговые связи, растут города, ведутся большие строительные работы. Выдвигается целая плеяда талантливых поэтов и историков, среди которых автор бессмертной поэмы „Витязь в тигровой шкуре“ Руставели.

Выбор жениха для царицы Тамары не был случайным. Здесь был налицо определенный государственный расчет, связанный со стремлениями укрепить политическое и культурное сближение Грузии и русских княжеств. Свадьба состоялась в 1185 году.

Броссе, ссылаясь на грузинские исторические источники, рассказывает об участии русского князя в военных походах грузин, в которых он отличился мужеством и полководческим талантом.⁴ Наряду с этим грузинские летописи отмечают, что с течением времени нрав его настолько испортился, что Тамара по воле Царского Совета вынуждена была выслать своего мужа за пределы Грузии, в Византию. Георгий не примирился со своим положением и вскоре, воспользовавшись поддержкой византийского императора и части крупнейших гру-

¹ Обезы — это собственно абхазы; грузин называли иногда обезами, так как Грузинское царство в X—XI веках называлось Абхазским (по происхождению царской династии).

² Полное собрание русских летописей (ПСРА), т. XXIV. Типографская летопись. Пгр., 1921, стр. 77. — Также см.: Патриаршая, или Никоновская, летопись, там же, т. IX, СПб., 1862, стр. 198; Московский летописный свод конца XV в., т. 25, М.—Л., 1949, стр. 58.

³ М. Броссе. Взгляд на историю и литературу Грузии. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), ч. XIX, 1838, стр. 290; — С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (Чтения), кн. III, 1888, стр. V; — М. Г. Джанашивили. К материалам по истории и древностям Грузии и России. Тифлис, 1912, стр. 17—18.

⁴ М. Броссе. Взгляд на историю и литературу Грузии. ЖМНП, ч. XIX, 1838, стр. 294—298.

зинских феодалов, занял большую часть западной Грузии и объявил себя царем. Однако побежденный войсками Тамары, он был вновь удален из Грузии. В 1193 году Георгий еще раз попробовал вернуть себе власть, но и на этот раз его попытка не удалась. После этого грузинские летописи уже не упоминают его имени.

Весьма сомнительными представляются нам сведения историков о порочном нраве Георгия (Юрия). Дело, повидимому, обстояло следующим образом. После смерти царя Георгия III (1184) на престол взошла коронованная еще при жизни отца его дочь Тамара. Грузинские феодалы решили воспользоваться случаем и подняли вопрос о законности ее власти. В дальнейшем они неоднократно выступали против самодержавной власти, стремились всячески ограничить права царя. Когда в дарбази был поставлен вопрос о выборе жениха для царицы Тамары, феодальная аристократия предложила Георгия (Юрия) Суздальского. Несмотря на нежелание царицы, дарбази настаивало на своей кандидатуре.

„Собрались перед царицей Русуданой патриарх и дидебулы, спасеты и эриставы, дали знать Тамаре, приглашали ее соединиться брачными узами, торопя ее в этом.

„А она отвечала: «Как можно сделать такой необдуманный шаг? Мы не знаем ни о поведении этого чужеродного человека, ни об его делах, ни об его воинской доблести, ни об его природе и ни о нравах. Дайте мне переждать, пока не увидите достоинства или недостатки его».

„Но они оказывали ей сопротивление, говорили о бездетности, сокращались по поводу бесплодия ее дома, требовали себе предводителя войск и всячески стесняли ей душу... После многих пререканий и помимо ее воли справили свадьбу“.¹

Чем же мотивировало дарбази свое решение пригласить русского князя? Во-первых, тем, что русские, как и грузины, были христиане православного толка, во-вторых, русский князь был „лицом родовитым, сильней всех царей той страны“.² Помимо этого, причиной, побудившей дарбази сделать такой выбор, являлось, повидимому, и желание иметь в качестве мужа Тамары человека властолюбивого и умеющего править, но вместе с тем зависимого от них. Таким человеком был русский князь Георгий (Юрий), который в это время находился на северном Кавказе в изгнании и не мог опереться на свои родственные связи; в стране он был бы чужим, не зная ни ее обычаев, ни языка.

В своей борьбе против Тамары Георгий опирался на крупных феодалов, недовольных самодержавной царской властью. Таким образом Георгий возглавил реакционные силы, противодействовавшие процессу централизации царской власти. Феодалы потерпели поражение, и Георгий был изгнан. Но борьба была нелегкой и в ходе ее сторонникам Тамары необходимо было выдвинуть убедительные доказательства в пользу того, что правда на стороне Тамары, а не на стороне ее супруга.

В русских летописях имя Георгия (Юрия) Суздальского, сына Андрея Боголюбского, встречается неоднократно. Например, под 6682 (1174) годом Львовская летопись сообщает нам: „Выбежа Рюрик от

¹ Б а с и л и. Цит. по кн.: В. Д. Дондуа. Басили, историк царицы Тамары. Сборник „Памятники эпохи Руставели“. Государственный Эрмитаж. Л., 1938. стр. 44—45.

² Там же, стр. 44.

Новгорода; потом Новгородцы послаша ко Ондрею, и да им сына своего Юрья, и прияша его с честью“.¹

После смерти отца в 1175 году Юрий Андреевич вынужден был оставить Новгород и отправиться на северный Кавказ к полководцам ханам, где и пробыл до 1185 года, т. е. до года женитьбы на Тамаре.

В X—XI веках культурная жизнь Грузии была сосредоточена главным образом в монастырях, которых довольно много было как в самой Грузии (например Шатбердский, Пархальский), так и за ее пределами (в Палестине, на Афонской и Синайской горах, в древней Болгарии и т. д.).

Иверский грузинский монастырь в Иерусалиме был известен игумену Даниилу, в начале XII века описавшему свое путешествие в Палестину.² Монастыри являлись важными культурными очагами, где велась интенсивная переводческая деятельность и создавались оригинальные произведения. Так, например, Иоанн Петрици (XI—XII века) перевел на грузинский язык труды Прокла Диадоха, снабдив перевод комментариями, произведения Иосифа Флавия и т. д. Ефрему младшему (XI век), помимо многочисленных переводов, принадлежит оригинальное сочинение „Повесть о причине обращения Грузии и о том, в каких книгах о нем упоминается“ и др. Широко был распространен агиографический жанр, прекрасным образцом которого может служить „Житие Григория Хандзтийского“, написанное в X веке Георгием Мерчули. Особую ценность этому памятнику придает то, что он рисует нам картины не только религиозной жизни страны, но и социально-политической; в сюжет умело включены бытовые подробности.

Большой известностью в Грузии и вне ее пользовался Иверский монастырь на Афоне, основанный в 980 году. В нем подвизалась целая плеяда видных духовных писателей и деятелей грузинской культуры. Среди них особенно прославились Евфимий и Георгий Афонский (X—XI века).

Евфимий положил начало грекофильскому направлению грузинской литературы. Он перевел с греческого двадцать пять произведений философско-религиозного характера. Существует довольно распространенное предположение, что Евфимий перевел с грузинского языка на греческий „Душеполезную историю о Варлааме и Иоасафе“.³ Этот морально-аскетический рассказ индийского происхождения, в его уже греческой версии, пользовался большой популярностью у христианских народов. Русский перевод повести, как полагают, был сделан с греческого языка еще в XI веке, т. е., может быть, при жизни самого Евфимия или вскоре после его смерти.

Второй видный деятель Иверского монастыря, Георгий Афонский, большой знаток языков, перевел с греческого на грузинский „Сказание об осадах Константинополя персами, скифами-русскими (в 626 году) и арабами“. Здесь мы отмечаем сам по себе факт появления такого перевода на грузинский язык, указывающий бесспорно на определен-

¹ ПСРА, т. XX. Львовская летопись. СПб., 1910, стр. 126; см. там же: т. IV, Новгородская четвертая летопись. СПб., 1848, стр. 13.

² Житие и хождение Даниила Русских земли игумена (1106—1108 гг.). Православный Палестинский сборник, т. I, вып. 3, СПб., 1883, стр. 82—83.

³ См.: „Повесть о Варлааме и Иоасафе“. М.—Л., 1947. Введение И. Ю. Крачковского, стр. 10; К. Кекелидзе. Из истории афонской литературной школы. Труды Тбилисского Государственного университета имени И. В. Сталина, VI, стр. 146—151.

ный интерес, пробудившийся среди грузинских культурных деятелей к русским и Руси.¹

Таковы доступные нам факты, по которым мы можем попытаться, правда, с большими пробелами, восстановить картину зарождения и развития русско-грузинских культурных связей в столь отдаленный от нас период истории.

В начале XIII века в центральной Азии образовалось могущественное кочевое государство монголов, которые за сравнительно короткий срок подчинили себе Среднюю Азию, Персию, Кавказ и сопредельные страны. Первое появление монголов в Грузии относится к 1220 году, а уже к 1236 году, после упорных и кровопролитных боев с войсками Чингис-Хана, Грузия подпала под монгольское иго.

Столь же жестокая участь выпала и на долю России. В 1223 году монгольские орды напали на Россию, сметая все на своем пути. Русский летописец, повествуя об этом ужасном событии, не забывает упомянуть и о других народах, в частности о грузинах-обезах, которых с Русью связала общность постигшей судьбы: „В лето 6731 (1223 год, — Л. Ш.), по грехом нашим, придоша языци незнаеми... зовут же ся Татарове, а ины глаголють Таоурмены, а друзии Печенези... Про сих же слышахом, яко многи страны поплениша: Ясы, обезы и косоги...“² Грузия была подвластна Золотой Орде. Под властью Золотой Орды находилась и Русь. Весьма вероятно предположить, что при дворе правителя Золотой Орды — Джучи, сына Чингис-Хана — русские князья и грузинские правители во время их пребывания в ставке хана должны были встречаться.³

В 1346 году после смерти грузинского царя Георгия Блистательного в Грузии разразилась страшная эпидемия (по всей видимости, чума), унесшая много жизней. Русский летописец был хорошо осведомлен о событиях, происшедших в „восточных странах“. В Патриаршей, или Никоновской, летописи мы читаем: „Того же лета (т. е. в 1346 году) бысть мор силен зело под восточною страню: на Орначи и на Азторокани, и на Сарай, и на Бездежи и на прочих градах стран тех, на крестянех, и на Арменех, и на фрязех, и на Черкасах, и на Татарех и на Обязех, и яко не бысть кому погребати их“.⁴

В первой половине XIV века Грузия освобождается от монгольского ига и сбрасывает с себя тяжелое бремя уплаты дани. Происходит восстановление в конце разоренной экономики страны. Экономическому подъему сопутствовало и увеличение политического престижа и значения Грузии в сопредельных странах. Так, например, известно, что египетский султан в знак уважения и дружбы оказывал грузинам большие привилегии и льготы по сравнению с другими христианскими народами в Иерусалиме. В этом отношении известный интерес представляет для нас рассказ „Во Иерусалиме хождение“, помещенный в Патриаршей, или Никоновской, летописи под 1389 годом: „Сице же ми случися видети недостойному и сущим с мною во святем граде Иерусалиме. Есть убо тамо церковь воскресение Христова... тамо

¹ Перевод грузинского текста на русский язык и небольшое предисловие автора помещены в кн.: М. Г. Джанашивили. К материалам по истории и древностям Грузии и России, стр. 105—145. — См. также: В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 13.

² ПСРА, т. XXIV, Прг., 1921, стр. 87.

³ См.: С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Чтения, кн. III, 1888, стр. VI—VIII.

⁴ ПСРА, т. X, Патриаршая, или Никоновская, летопись. СПб., 1886, стр. 217.

есть Адамля глава; а служба тамо Гурзийская, Гурзи служат, а за нею Венецыйская служба, Венецы служат... а под Голгофою низу на земли Иверская служба, Ивери служат“.¹

Наконец еще одно сведение о Грузии встречаем мы в русских летописях. Оно касается тех опустошительных завоеваний, которые совершил Тамерлан (Темир-Аскак) в самом конце XIV века. „А се имена тем землям и царством, иже бе попленил Темиръ Аскак и взял за себя: Самархант... Тевлизи, Тевризи, Гурзоустани, Обезии, Гоурзи ...“.²

Свидетельства русских летописей о Грузии представляют большую ценность для истории русско-грузинских взаимоотношений в период монгольского ига. Они позволяют нам высказать предположение, что в этот период не прекращаются совсем, как это принято было полагать, завязавшиеся ранее русско-грузинские связи. Общение между Русью и Грузией безусловно имело место и в эту эпоху.

С конца XV века устанавливаются уже непосредственные политические сношения Грузии с Русским государством. Так, в 1492 году Кахетинский царь Александр посылает к московскому князю Иоанну III своего посла с просьбой о помощи и покровительстве в борьбе Грузии с окружающими ее мусульманскими странами. Русские летописи относятся к этому факту с должным вниманием и в числе других событий того времени почти всегда помещают сведения о приходе посла из Грузии: „Тое же зимы прииде посол к великому князю из Иверския земли от князя Александра, именем Мурат“.³

К этому времени международная обстановка претерпела сильнейшие изменения. В 1453 году турки-османы захватили Константинополь, столицу Византийской империи. Падение Византии отрицательно сказалось на внутреннем и внешнем положении Грузии. Отныне Грузия граничила не со страной, близкой ей по вере и культуре, а с сильным мусульманским государством, стоящим на низком уровне культурного развития. Появление Турции на исторической арене привело к тому, что, начиная с конца XV века, разгораются постоянные войны между Турцией и ее политической соперницей в Передней Азии, Персией, за преобладание на Кавказе. На несколько веков Грузия делается ареной кровопролитных войн. Все эти обстоятельства губительно сказались на политическом и экономическом состоянии страны, и в начале XVI века под ударами иноземных нашествий она окончательно распалась на три царства — Карталинское, Кахетинское, Имеретинское — и княжество Самцхе-Саатабаго. Теперь, в силу своей разобщенности, Грузия не могла уже противостоять захватчикам, и в 1555 году, по условиям мирного договора между Турцией и Персией, была поделена на сферы влияния: восточная Грузия отошла к Персии, а западная Грузия — к Турции.

В то время как исторические судьбы привели Грузию к полному ослаблению, к потере ею государственной независимости, Московское государство, освободившись от монгольского ига, крепло и набиралось сил. После падения Византии возрастало и международное значение Москвы. Очевидно, что именно на Севере, в Русском государстве, должна была искать Грузия поддержки и покровительства. Этим и объясняется появление грузинских послов в Москве в 1492 году.

¹ ПСРА, т. XI. Пагриаршая, или Никоновская, летопись. СПб., 1897. стр. 104—105.

² Там же, т. XXIV, стр. 161.

³ Там же, т. IV, стр. 160.

„Все это не говорит, однако, еще об установлении уже в XV в. правильных дипломатических взаимоотношений между отдельными политическими образованиями Кавказа и, в частности, между Грузией и Москвою. Такие правильные взаимоотношения устанавливаются только во вторую половину XVI в., после того, как Московское государство вплотную подошло к Кавказу“.¹

Московское государство, завоевывая в XVI веке Поволжье с городами Казань и Астрахань и северные предгорья Кавказа, преследовало определенные политические и экономические цели.² Во-первых, оно хотело обеспечить безопасность своей торговли с Персией от посягательства со стороны турок; во-вторых, укрепляясь на северном Кавказе, Московское государство хотело на первых порах хотя бы парализовать усилия Турции, старавшейся установить свое господство на Кавказе. Для достижения поставленных целей Московское государство ищет себе на Кавказе союзников среди близких ему по вере народов. Оно с готовностью откликается на просьбы грузинских царей Леона и Луарсаба (1557) о покровительстве и помощи. В Кахетию в том же 1557 году был отправлен русский отряд для защиты кахетинских крепостей.

В 1586 году посол грузинского царя Александра пишет государю всея Руси Федору Ивановичу: „...понеже государь наш и земля наша хрестьянская, а от неверных турок в велицей беде и в утесненье, и в том твоя царская воля, как государя нашего и его землю пожалуеш, от таких и неверных богомерских агарян оборониш“.³

На это Федор Иванович велит ответить царю: „И великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии самодержец для крестьянские веры государя вашего Александра князя и всю Иверскую землю в своем царском жалованье и во оборони держати хочет...“. И ниже: „...и город на Терке для тебя и твоей земле обереганья поставить государь велел, — только ныне вскоре тому сstattися не мочно...“.⁴

Московское государство старалось по мере сил и возможности облегчить бедственное положение дружественной страны. В 1601 году царь Борис отправил в Кахетию посольство „с ответом, что он хочет держать царя Александра и Иверскую землю от всех недругов в обереганье и защищенье и дорогу велел очистить через Шевкалскую землю и рать велел послать на Шевкала и Кумыцких князей“.⁵ В 1604 году были снаряжены русские войска, целью которых было завоевание Дагестана и освобождение дороги на Кахетию. В том же году послу Татищеву было поручено „тайное“ дело — сосватать среди грузинских царевичей и царевен дочери царя Бориса жениха, а сыну его невесту.⁶ Как видим, Россия вновь захотела завязать родственные отношения между царскими домами России и Грузии.

Но после 1605 года налажившиеся были связи Московского государства с Грузией прерываются. В Московском государстве начинается

¹ М. Подилов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937, стр. VI.

² Со взятием Казани и Астрахани к Московскому государству перешла такая важная водная магистраль, как река Волга. Это обстоятельство безусловно повлияло на оживление сношений Руси с Кавказом.

³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Чтения, кн. III, 1888, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 13 и 20.

⁵ Там же, стр. CVIII.

⁶ Там же, стр. CIX.

период „смутного времени“, ознаменованный иностранной интервенцией, борьбой различных кланов за царский престол, крестьянской войной. Занятое устроением своих внутренних дел, оно на время оставляет Кавказ.

Как мы уже говорили, историческая обстановка, сложившаяся во второй половине XV века, содействовала политическому и культурному сближению Грузии с Россией. Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению первых русско-грузинских литературных связей.¹

В 1380 году под предводительством Дмитрия Донского русские войска разбили монгольские полчища на Куликовом поле. Это был серьезный этап в освобождении Руси от монгольского ига. Победа на Куликовом поле способствовала укреплению власти московского князя и успешному объединению русских княжеств вокруг Москвы в единое централизованное государство. Москва постепенно становилась общерусским политическим и культурным центром. Оживленная литературная деятельность, развернувшаяся в Москве, была тесно связана с политическими устремлениями и интересами своей эпохи.

Определенный интерес представляет для нас сказание о посольстве греческого царя Льва-Василия из цикла сказаний „О Вавилонском царстве“. Древнейшие тексты сказания о Льве-Василии восходят к XV веку.² Главными действующими лицами сказания являются грек, русский и бежанин — абхазец, т. е. представители трех оставшихся независимыми православных стран: Византии, Руси и Грузии. Присутствие в русском сказании бежанина — факт, достойный внимания. Он указывает на то, что на Руси хорошо были осведомлены о том месте, которое в тогдашней международной жизни³ занимала как представительница Грузии одна из наиболее сохранившихся после нашествия Тамерлана ее областей — Абхазия.

Под бежанским языком в этой повести несомненно подразумевается язык грузинский, так как абхазский язык почти до советского времени был языком бесписьменным.⁴

Следующим значительным памятником русско-грузинских литературных связей является „Повесть о грузинской царице Динаре, како победи перского царя“. Повесть сохранилась в большом количестве списков, но все они не древнее XVI века; самый ранний список относится к третьей четверти XVI века. Сопоставление списков между собою, замечает один из исследователей „Повести о Динаре“, приводит

¹ Советская историческая наука уделяет изучению данного вопроса большое внимание. См., например, работы: Н. А. Бердзенишвили. Из истории русско-грузинских взаимоотношений на рубеже XVI—XVII веков. Из истории Грузии XVIII в. Тбилиси, 1944; Я. Цинцадзе. Разыскания о русско-грузинских взаимоотношениях. Тбилиси, 1947.

² Идейный анализ этой повести см. в статье М. О. Скрипиля, помещенной в этом томе.

³ Выше мы уже отметили ряд сведений о Грузии, помещенных в русских летописях. К этому можно еще прибавить интересный рассказ, повествующий о происходившем в Ферраре и во Флоренции (1438—1439) восьмом вселенском соборе, который принял решение о соединении православной церкви с католической. Русский летописец довольно подробно описывает поведение на этом соборе иверского митрополита Григория, который не согласился принять унию и покинул собор (см.: ПСРА, т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853, стр. 152, 159).

⁴ У азербайджанского поэта XII века Хакани, писавшего по-персидски, имеется такой байт (двустипшие): „От любви к этой красавице кудрявой, яснолицой стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински“ (А. Н. Болдырев. Два ширванских поэта, Низами и Хакани. Сборник „Памятники эпохи Руставели“, Л., 1938, стр. 137). — Этот байт свидетельствует о широком распространении вне пределов Грузии смещения понятий „абхаз“ и „грузин“.

к мысли, что „повесть известна нам в одной редакции, так как те немногие отличия списков друг от друга, которые были приведены, не носят редакционного характера, а скорее характер механический, не внося изменений в идейный смысл содержания“.¹

Время написания повести и ее автор нам не известны. В связи с тем, что события, изложенные в повести, и имена некоторых действующих лиц явно ведут нас в Грузию, необходимо выяснить вопрос о происхождении этой повести.

Еще М. Броссе высказал мнение о том, что „содержащиеся в этом отрывке сведения о Грузии были, по всей вероятности, сообщены полуучеными грузинами, которые приезжали в Россию после посольства к Иоанну III, — может быть даже греческими монахами, которые долго служили посредниками между обоими народами, пока грузины столь же мало знали по-русски, сколько русские по-грузински. Во всяком случае, чтобы определить время сочинения этого отрывка, не надобно выпускать из виду того обстоятельства, что с 1605 года, когда возвратился Татищев, до 1619 не было посольств из Грузии в Россию“.²

Совсем особую позицию занял в этом вопросе А. И. Соболевский.³ Анализируя словарные особенности текста повести, Соболевский делает вывод, что „Повесть о Динаре“ была переведена на русский с греческого языка, причем в до-монгольский период.⁴ М. Н. Сперанский подробно останавливается на аргументации, которую выдвинул Соболевский в защиту своих положений. Чересчур общий характер рассуждений А. И. Соболевского кажется ему неубедительным и недостаточным.

Однако ни историческая обстановка, которая дана в повести, ни деятельность героини не соответствуют тому, что известно о царице Динаре. Сравнивая известия, имеющиеся в „Картлис Цховреба“ о грузинской царице Тамаре, в частности описание Шамхорской войны, с содержанием „Повести о Динаре“, М. Броссе пришел к убеждению, что в основу русской повести положено описание Шамхорской войны, которую вела царица Тамара в 1195 году. Следовательно, героиней повести является не малоизвестная в истории Грузии царица Динара, а прославленная, знаменитая царица Тамара, которая, как и героиня повести, наследовала престол после смерти своего отца и прославила свое имя рядом блестящих побед над персами. С этим выводом М. Броссе согласились все дальнейшие исследователи „Повести о Динаре“.

¹ М. Н. Сперанский. „Повесть о Динаре“ в русской письменности. Известия Академии Наук СССР, Отд. русского языка и словесности, т. XXXI, 1926, стр. 67—68.

² М. Броссе. Сведения о грузинской царице Тамаре в древнерусской литературе. (С приложением текста). Ученые записки имп. Академии Наук по I и III отделениям, т. I, СПб., 1853, стр. 489.

³ См. Отчет имп. Общества любителей древней письменности за 1896—1897 гг., СПб., 1898, стр. 28.

⁴ В школьном учебнике „История Грузии“ (ч. I, Тбилиси, 1946. Авторы: Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашиа) на стр. 237, в разделе „Западноевропейцы о Грузинском средневековом государстве“, мы встречаем следующие строки: „В ту же эпоху в Византии была создана большая поэма в стихах, прославляющая царицу Тамару. Здесь Тамара выступает под именем могущественной иверской царицы Динары, которая, несмотря на все трудности, лично предводительствуя войском, одерживает блестящую победу над «персами», т. е. над иноверными агрессорами Востока. Впоследствии поэма была переложена по-русски и пользовалась на Руси большой популярностью“. По всей видимости, авторы присоединились к мнению А. И. Соболевского о греческом происхождении „Повести о Динаре“.

В своей работе, посвященной русскому сказанию о Динаре, грузинский ученый Я. Цинцадзе¹ дает обильный материал для обоснования этого положения. Но в вывод М. Броссе он вносит существенную поправку: в основе русского сказания о Динаре лежат не только события Шамхорской войны, но и вся история царствования Тамары, так, как она изложена Васили, историком Тамары.

Превращение Тамары в Динару — не искажение имени, а контаминация.² Автор „Повести о Динаре“ спутал имена двух цариц, о которых ему рассказывали. На факт контаминации указывает то, что отцом героини повести назван царь Александр, тогда как отцом Тамары был Георгий III. Имя Александр скорее всего есть искажение имени отца царицы Динары — Адарнерсе.

„Таким образом, — пишет Сперанский, — ни одно из доказательств, приводимых А. И. Соболевским в пользу переводности и древности «Повести о Динаре» в нашей литературе, не ведет обязательно к положительному в этом направлении решению вопроса о ее происхождении; одно только, что можно сказать с уверенностью, это то, что «Повесть» явилась впервые на русской почве и здесь жила до довольно позднего времени, не получив распространения в иных славянских или иноземных литературах“.³

Если мы отбрасываем вопрос о переводности повести и полагаем, что она появилась впервые на русской почве, то мы обязаны искать ее автора, а также и тот источник, откуда автор мог позаимствовать этот сюжет. Содержание „Повести о Динаре“ убеждает нас в том, что в основу произведения положен какой-то грузинский источник. По этому вопросу нет разных мнений среди исследователей, но когда пытаются уточнить это обстоятельство, то высказываются самые различные соображения. Прежде всего возникает вопрос: о какой грузинской царице идет речь в повествовании? В повести фигурирует царица Динара. В истории Грузии известна царица, носившая такое имя. Она жила в X веке и была женою владетеля Эретии (часть Восточной Грузии). Епископ Кирион счел возможным допустить, что в русской повести упоминается именно эта Динара — царица Эретии.⁴

Чем же объяснить, что имя малоизвестной, местной царицы, вернее — имя жены владетельного князя, проникло в русскую повесть? Попытаемся в этом разобраться.

Как сказано выше, в 1492 году в Москву прибыл посол от Кахетинского царя Александра. После падения Византии Грузия оказалась в окружении мусульманских стран, Персии и Турции, и вела с ними постоянную неравную борьбу за свое существование. Естественно, что она искала помощи и поддержки в близкой ей по вере стране. „Кахетинские цари, — пишет С. Белокуров, — принимали в расчет и дружественные сношения московских великих князей с персидскими шахами... надеясь в будущем на заступничество Московского госу-

¹ Я. Цинцадзе. Труды Тбилисского Государственного университета имени И. В. Сталина, т. X, 1939.

² В Грузии в настоящее время довольно широко распространено женское имя Динара. Это имя вполне самостоятельно, оно ни в коем случае не является видоизменением имени Тамара.

³ М. Н. Сперанский. „Повесть о Динаре“ в русской письменности. Известия Академии Наук СССР, Отд. русского языка и словесности, т. XXXI, 1926, стр. 51.

⁴ Епископ Кирион. Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910, стр. 111.

дарства перед шахом за единоверную христианскую страну“.¹ Для этого и прибыл посол в Москву, положив своим приездом начало интенсивным дипломатическим связям между Россией и Грузией.²

Грузинских послов должны были в Москве расспросить о Грузии, о ее отношениях к кызылбашскому (персидскому) шаху и турецкому султану и т. д. В своих ответах грузинские послы, останавливаясь на борьбе Грузии с соседними мусульманскими государствами, старались, как это можно предполагать, подчеркнуть, что Грузия, как и Россия, страна православная.

Приведем несколько отрывков из грамот кахетинского царя Александра.

„Нынеча ж исперва бога да и пречистые да и чесного и животворящего креста любви для нам, хрестьяном, пособляя; да и от их рук хрестьянской род избави государьским милосердием и его жалованьем. Тысяча лет есть, что мы православные хрестьяне есмя да сею землею владеем и царствуем, а в которых всегда те неверные собаки Шевкалские покорени под нашею рукою. И ведомо ж тебе будет, что неверные люди всегда хрестьяном недруги и изменники“.³

„Да здесь от тысячи лет которые храмы запустили и подпис в них попортилась...“.⁴

„А мы надеёмся на Христа, что есмя хрестьяне крещеные, якоже прияхом веру и хрещение от грек в лете 1262-м году“.⁵

Рассказ о том, когда и кем было введено христианство в Грузии, занимал, по всей видимости, значительное место в рассказах послов и в переписке между грузинскими царями и Москвой. Как бы в доказательство нашего предположения, Русский хронограф в редакции 1512 года приводит обстоятельный рассказ о крещении грузин: „О иверех. Во Иверех же жена некая пленена пребываше в посте, исцели отроча болно, а потом царицу положи на оубозей своей постели и здраву сотвори. Царица же нудяше царя, еже церков пленницы сотворити. И не покоряющюся ему, слепотою объят бысть. И пленницею исцелен, и повеле создати церков. И наочи его послати к греческому царю Константину, еже послати ему архиерея. И пришед, всех крести“.⁶

Необходимо отметить, что ранее 1512 года сведений о крещении Грузии в русских летописях мы не нашли. Вероятно, именно этот летописный рассказ имел в виду русский архимандрит Иосиф, бывший

¹ С. А. Белокуров. *Сношения России с Кавказом. Чтения, кн. III, 1888, стр. XXVIII.*

² В рукописном сборнике Государственного Исторического музея „посланий российских митрополитов“ до нас дошел русский перевод грамоты Александра, датированный 91 годом. Как убедительно показал К. В. Базилевич в своей книге „Внешняя политика русского централизованного государства. (Вторая половина XV века)“ (М., 1952, стр. 410—411), грамоту следует отнести не к 1491 году, как это сделала С. А. Белокуров, а скорее к 1483 году (т. е. к 6991 году). Таким образом можно предположить, что установление дипломатических связей Грузии с Москвой имело место еще в 1483 году.

³ Грамота Александра Федору Ивановичу с послами — кн. Каплатом, старцем Кириллом и Куршитом (1588—1589 гг.). См.: С. А. Белокуров. *Сношения России с Кавказом, стр. 56.*

⁴ Грамота Александра Федору Ивановичу (1590—1591 гг.). Там же, стр. 225.

⁵ Грамота Александра патриарху Иеву (1590—1591 гг.). Там же, стр. 233. — По всей видимости, цифра 1262 обозначает количество лет, прошедших со дня принятия христианства.

⁶ ПСРА, т. XXII (I), СПб., 1911, стр. 266. — Подробный рассказ об обращении Грузии в христианство приведен в грузинской исторической хронике „Картлис цховреба“. (См.: М. Brosset. *Histoire de la Georgie, t. I. St.-Petersb., 1849, p. 110—114.*)

с посольством кн. Волконского в Грузию в 1637—1640 годах, когда в своей речи, обращенной к грузинскому духовенству, говорил: „И то ведомо от летописных книг, что грузинская земля истари прияла святое крещение, а божественного закона мало видим от вас соблюдаема...“¹

Привлекает внимание следующий интересный факт: в официальной переписке грузинских царей с Москвой неоднократно подчеркивается, что Иверия — это жребий богородицы: „...первопрестолник святых соборных апостольских церквей пресвятая богородица чеснаго и славнаго ея Успения Иев, божиею милостию, святейший патриарх царствующаго града Москвы и всея Руси — части и жребия пресвятая и пренепорочныя владычицы наша богородицы: и приснодевы Мария Иверския земли, о святем душе сыну и сослужебнику нашего смирения, пресвященному Николаю митрополиту города Цхета...“²

В „Картлис цховреба“ мы находим подробный рассказ о том, как на долю богородицы выпал жребий проповедывать христианство в Грузии.³

Как это видно из приведенных выше русских сведений о Грузии, в своем изложении истории родной страны грузинские послы опирались на „Картлис цховреба“, где вопросы, связанные с православием в Грузии, излагаются особенно обстоятельно.⁴

Грузинский посол, повествуя о принадлежности своей родины к православию, мог рассказать посольским людям, что в X веке жила в Восточной Грузии царица Динара, которая с помощью своего сына Ишханика обратила еретиков в православие, искоренив ересь в подвластной ей области. Рассказ о ее деятельности также находится на страницах „Картлис цховреба“.⁵ Если бы грузинский посол просто излагал историю Грузии, он вряд ли вспомнил бы о существовании этой царицы. Но она могла понадобиться грузинскому послу для того, чтобы лишний раз подчеркнуть заслуги Грузии в борьбе за православие. Во всяком случае имя этой царицы — Динара — могло запечатлеться в памяти русских, слушавших рассказ грузинского посла.

Всего подробнее должен был останавливаться посол на блистательном царствовании царицы Тамары, когда Грузия, достигнув высшего могущества, вела победоносные войны с врагами христианства. Впоследствии повествование о подвигах царицы Тамары невольно могло слиться в сознании автора повести (или у тех, кто записывал речи послов) с именем царицы Динары. Только таким образом, кажется нам, можно найти объяснение этому загадочному смешению имен в русской повести.

В статейном списке посольства кн. Волконского в Грузию (1637) приводится интересная беседа, которая состоялась между русским архи-

¹ М. Полиевктов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, стр. 403.

² Учительная грамота от святейшего патриарха Иова к иверскому митрополиту со старцем Захеем (1589—1590 гг.) (см.: С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 91—92; также см.: М. Полиевктов. Материалы..., стр. 51, 58).

³ M. Brosset. Histoire..., t. I, p. 55.

⁴ Примечательно, что большинство сведений о Грузии, которые мы находим в русских источниках, восходит к „Картлис цховреба“. Так, например, в „Проскинитарии“ Арсения Суханова, бывшего в Грузии в 1640 и 1652 годах, приводится легенда о ризе Христа, перенесенной из Иерусалима в Грузию. „Картлис цховреба“ подробно излагает на своих страницах эту легенду (M. Brosset. Histoire..., t. I, p. 54—55).

⁵ M. Brosset. Histoire..., t. I, p. 279.

мандритом Иосифом и грузинским архиепископом Зеведем. Разговор шел о грузинской царице Тамаре, причем оба собеседника называли ее Динарой.

„И архиепископ сказал: была Динара царевна в Грузех и перского царя победила; тое Динары сын Георгий строил монастырь и в свое имя и церковь святого великомученика Георгия поставил да и сам лежит здесь церкви. И архимарит говорил: пишет в летописцех, что Динара царевна в Грузех царствовала и перского безбожного царя победила и потом царство ее на многа лета была мирно; а того не пишет, что у нее дети были или замужем была. И они долго думав, сказал архиепископ: была де замужем“.¹

Из приведенного разговора видно, что русский архимандрит знает историю царицы Тамары лишь в пределах сведений „Повести о Динаре“. Поэтому его и озадачил рассказ грузинского архиепископа Зеведея о строительной деятельности сына Динары (Тамары) — Георгия. Таким образом мы видим, как сведения русских о Грузии подвергались на месте, т. е. в самой Грузии, проверке и уточнению.

Можно привести еще одно интересное сведение. В 1618 году в Москву прибыло из Грузии посольство игумена Харитона. В изложении устной речи грузинского посла, произнесенной от имени Теймураза, и в русском переводе грамоты Теймураза к русскому царю упоминается царица Динара: „А та земля православная ж крестьянская вера, а по-грузински имя той земле Имерель, а тут лежит Динара царица“.²

„А живет-де ныне государь ево под турским в башачикской земле, а по их по-грузински в имерелской земле, где лежит Динара царица, а царь ныне в той земле по их по-грузински Георга, а по-русски Егорей...“.³

В обоих документах, особенно в последнем, заметно старание дать названия стран и имен, наряду с грузинской, в привычной для русских форме. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что в переписке и в устных беседах грузин с русскими царица Тамара называется Динарой, т. е. в уже привычной для русских форме.

Вопрос о времени написания „Повести о Динаре“ остается открытым. Некоторые исследователи, как Н. К. Гудзий, К. В. Базилевич и другие, считают, что повесть была написана уже в конце XV века. К. В. Базилевич в своей работе⁴ датирует повесть последней четвертью XV века. Он обращает внимание на два обстоятельства: во-первых, на композиционную (а иногда и текстуальную) близость повести с посланием епископа Вассиана Рыло к Ивану III на Угру, написанным в 1480 году, что говорит в пользу русского происхождения повести и за отнесение ее к концу XV века;⁵ во-вторых, на содержание заключительных слов

¹ М. Полиевктов. Материалы... стр. 371—372.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 40.

⁴ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. (Вторая половина XV века). М., 1952, стр. 412.

⁵ В качестве примера К. В. Базилевич приводит следующее сравнение:

Повесть о царице Динаре
Вспомните, братия, Деворуи Гедеона
со многими людьми Мадиамаля победи:
не господь же ли бог наш и заступница
пречистая богомати поможет нам?

Послание к Ивану III Вассиана Рыло

Яко же се глаголю... и Девору с Вараком и Гедеона трема сты губившаго множество тысяць Медиамлян... и иных многих вставляше им бог и избавляше их от работы иноплеменник, и работаша им иноплеменницы. Ныне же тойже господь.

повести: „Даже и до днесь нераздельно державство Иверьское пребывает“.¹

М. Н. Сперанский и Я. Цинцадзе склонны отнести сочинение повести к середине XVI века, к эпохе царствования Ивана IV, когда идея централизованной царской власти достигает наибольшего развития. К такому выводу их приводит анализ идейной направленности „Повести о Динаре“.

Многочисленность списков „Повести“ подтверждает ее актуальность для своего времени. Интересно, что „Казанский летописец“ вкладывает ссылку на поведение царицы Динары, взятую из повести о ней, в речь Ивана IV, обращенную к войску накануне взятия Казани в 1552 году. Время написания „Казанского летописца“ — примерно 1564—1566 годы. Старейшая редакция из дошедших — 1570—1571 годов. Примечательно, что только в редакции 1584 года появляется эта ссылка из „Повести о Динаре“, в более ранних редакциях она отсутствует.²

Несколько слов относительно авторства повести. М. Н. Сперанский, учитывая идейную направленность повести, а также ее иноземный сюжет, предполагает, что „Повесть могла возникнуть в наиболее образованной тогдашней правительственной среде, не чуждавшейся, как известно, и непосредственного участия в литературе: отсюда «литературный» стиль Повести, показывающий в ее создателе человека, по своему времени литературно образованного и обладающего привычкой обращаться с литературным материалом; может быть, это был какой-нибудь из чиновников посольской избы, которому в силу его занятий приходилось иметь дело с приходившими в Москву грузинами, который, быть может, даже знал и по-грузински. Так, приблизительно можно представить себе происхождение у нас «Повести о Динаре»“.³

Мы склонны думать, что автор повести должен был принадлежать к тому кругу образованных книжников, писателей и публицистов, которых объединил вокруг себя митрополит Макарий.

„Это была своеобразная академия XVI в., — пишет И. У. Будовниц, — члены которой были погружены в разнообразные научные и литературные занятия. Они писали жития святых, составляли капитальные научные труды, занимались живописью, разрабатывали социально-политические проблемы“.⁴

Но убедительность этого сравнения пропадает, если мы обратимся к Василию: „Явилась и Тамара. Узрела их (т. е. воинов). Она тоже оставалась несколько дней, чтобы принять участие в молебствиях. Потом сказала им: «Братья мои, пусть не затрепещут от страха сердца ваши, если их такое множество, а вас — мало, потому что с нами бог. Вам приходилось слышать о Гедеоне и о трехстах его воинах и о бесчисленном множестве мадиамитян, им истребленных. . .»“ (см.: В. Д. Дондуа. Василий, историк царицы Тамары, стр. 51).

¹ Этот довод не кажется нам очень убедительным. Во-первых, распад Грузии был длительным процессом, который воспринимался современниками как временные распри между наследниками. Окончательно Грузия распалась к началу XVI века. Во-вторых, послы Александра безусловно должны были стараться представить своего царя правителем всей Грузии; в русской летописи нет указаний на то, что Александр является местным правителем („Тое же зимы прииде посол к великому князю из Иверския земли от князя Александра, именем Мурат“). В-третьих, после посольства 1492 года никаких сношений с Грузией, по видимому, не было. В-четвертых, автор „Повести о Динаре“ старался провести определенную тенденцию. Для того чтобы представить централизованное государство долговечным и неизбежным, он мог и поступиться исторической правдой.

² Этим сведением мы обязаны Г. Н. Моисеевой, автору кандидатской диссертации о „Казанском летописце“.

³ М. Н. Сперанский. „Повесть о Динаре“ в русской письменности, стр. 83.

⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 194.

Члены этого кружка и сам Макарий всецело были на стороне укрепления власти московского государя и поддерживали его восточную политику. Митрополит Макарий написал, например, много посланий, связанных с казанским походом Ивана IV, в которых он воодушевлял войска и восхвалял подвиг государя. Вполне допустимо предположить, что „Повесть о Динаре“ была написана кем-либо из членов этого кружка, стоявшего близко к правительственным кругам. Идейная направленность „Повести“ является лучшим доказательством этого предположения.

В заключение обзора „Повести о Динаре“ можно добавить, что она, по всей вероятности, была сочинена на основании записей, сделанных со слов грузинских послов. Некоторые подробности, сохраненные текстом повести, несомненно говорят о том, что рассказы послов записывались. Между записью и ее литературной обработкой мог иметь место значительный промежуток времени.

Таким образом предположение, что „повесть“ написана в середине XVI века, не менее правдоподобно, чем отнесение ее к последней четверти XV века.

К XVI веку в Передней Азии усиливаются две мусульманские державы: Турция и Персия. Между ними начинается долгая и упорная борьба за преобладание на Кавказе. Грузинские цари (имеретинский, карталинский, кахетинский) номинально продолжали управлять страной, но находились в полной зависимости от персидского шаха и турецкого султана. При малейшем неподчинении царя в его владения вторгались персидские или турецкие войска, а сам он заменялся новым ставленником.

Как Турция, так и Персия в своем стремлении к господству проводили самую чудовищную политику угнетения и насилия над грузинским народом, создавая этим угрозу самому существованию народа. Неоднократно вспыхивали в Грузии национально-освободительные восстания против иноземных завоевателей, но все они жестоко подавлялись. 1616 год принес огромные бедствия грузинскому народу. Полчища персидского шаха Абасса вторглись в Кахетию. Они безжалостно уничтожали на своем пути население, дома, виноградники, памятники культуры. 150 тысяч грузин было насильно переселено в Персию.

Такие же, если не худшие, испытания выпали на долю и Западной Грузии, оказавшейся под властью турок. Страна была обложена данью, которая год от года возрастала. Чрезвычайно тяжелое положение трудового народа становилось невыносимым в связи с укоренившейся в стране продажей крестьян в рабство. Рынки Передней Азии были полны рабами из Западной Грузии.

Антиохийский патриарх Макарий, посетивший Грузию в 1655 и в 1666 годах (по пути в Москву), с возмущением писал об огромном количестве случаев продажи христиан в плен.¹

Кахетинский царь Теймураз I в беседе с русским послом кн. Мышецким с горечью говорил ему: „Да он же (дадьянский князь, — Л. Ш.) продает бусурманам на всякий год по десяти и по пятнадцати тысяч человек робят христианских детей, да к турецкому султану и к везиру посылает в поминках по сту по двадцати человек робят же и дает турецкому царю с себя дань“.²

¹ П. Жузе. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. Казань, 1905.

² Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643. Документы издад и введением снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1928, стр. 37.

Академики С. Джанашия и Н. Бердзенишвили в статье „О наших законных требованиях к Турции“ писали в 1945 году: „Много завоевателей видела Грузия. Турки по праву заслужили звание наихудших из них. Только смерть, разрушение и одичание приносили они всюду, куда ни появлялись. Развитая материальная культура в захваченных грузинских областях была поставлена на несколько ступеней ниже. Городская жизнь полностью заглохла там, где раньше она была ключом. Исчезли интенсивные сельскохозяйственные культуры — виноделие, шелководство. Обнищало население. Самому зверскому, бесчеловечному гонению была подвергнута святая святых грузинского народа — его язык, его законы и традиции, культура и вера отцов. Огнем и мечом насаждались турецкий язык и ислам“.¹

Лишенная возможности противостоять агрессивной силе Турции и Персии, разоренная в экономическом отношении и разобщенная политически, Грузия, естественно, пытается найти помощь и спасение у своего северного соседа — России. В 1615 году, по инициативе Теймураза I, было отправлено в Москву посольство от всех шести грузинских царств и княжеств. Посольства в Москву были отправлены также в 1618 и 1623 годах.

Московское государство охотно принимало грузинских послов, обещало Грузии свое заступничество и покровительство. Конечно, Московское государство руководилось при этом не только желанием помочь единой стране в борьбе против мусульманских государств, но и своими политическими и экономическими расчетами относительно Кавказа. Оказать Грузии военную поддержку Москва была не в силах, но она брала на себя заступничество за Грузию перед шахом. Кроме того, московское правительство послало Теймуразу 20000 ефимков² и большое количество собольих мехов. Русские послы говорили Теймуразу I: „...как ты, Теймураз царь, начальное дело совершишь, царскому величеству и его царским детям крест поцелуешь и сыну своему и ближним людям поцеловати велишь, а то тебе будет надобно, чтоб шах земли твоей не разорял, и царское величество о тебе, Теймуразе царе, к шаху отпишет, чтоб шах, для его государевы дружбы и любви, и ведая, что ты, Теймураз, в его царском повеленье учинился под его царскою высокою рукою в холопстве, не наступал и войны и тесноты не чинил...“.³

Известно, что Московское государство в своих переговорах с Персией выполнило это свое обещание. Сложившаяся таким образом политическая обстановка приводит к оживлению русско-грузинских связей. XVII век ознаменован рядом посольств, направлявшихся из Грузии в Москву, и ответными посольствами Московского государства.

Перед московскими послами были поставлены большие и серьезные задачи: во-первых, установить прочные политические связи с Грузией, стараясь склонить грузинских государей к присяге на верность русскому царю, который в свою очередь в жалованной грамоте обязывался держать Грузию „в обороне и защищенье“ от посягательств Турции и Персии; во-вторых, собрать возможно большее количество самых разно-

¹ С. Джанашия и Н. Бердзенишвили. О наших законных требованиях к Турции. Заря Востока, № 247, 1945.

² Ефимок — древнерусское (до середины XVIII века) название талера (см.: М. Подиевков. Посольство князя Мышецкого... стр. 184).

³ М. Подиевков. Материалы... стр. 311.

образных сведений экономического, политического, географического и культурного характера о странах, входивших в орбиту восточных интересов Московского государства, ибо без такой предварительной информационной подготовки нельзя было и думать о прочном обосновании на Кавказе. Для собирания сведений Московское государство пользовалось всяким удобным случаем. В Посольском приказе в Москве опрашивали людей, приехавших из Закавказья, будь то послы из Грузии или просто лица, прибывшие из тех краев. Была специально разработана техника собирания такого рода сведений. С другой стороны, и для русских послов, отправляющихся в Грузию, составлялась специальная программа — наказ.¹ Таким образом, Москва уже к концу XVII века располагала нужной ей суммой необходимых сведений.

Теперь мы с помощью конкретных примеров, взятых из исторических документов, попытаемся показать, насколько разносторонними и содержательными (обладающими большой познавательной ценностью) были статейные списки русских послов XVII века.

В 1637 году Михаил Федорович отправил в Грузию своих послов — кн. Волконского и дьяка Хватова. Послы пробыли в Грузии довольно долго и за это время успели немало узнать о жизни страны. Из множества сведений и замечаний, рассеянных в их посольских отчетах, мы отметим лишь два, которые представляют известный интерес с точки зрения культурного общения России и Грузии. Так, например, приводится интересное описание тех развлечений, которые видели русские послы при дворе царя Теймураза I: „Да в тот же день, в светлое воскресенье, приготовлены были у царя два скомороха, один с сурнею, а другой з бубном. Да у тое ж кибитки, где у царя стол был, вкопана в землю соха, дерево стоячее сажен шесть вверх, и через то дерево перекинут конат, и концы того коната привязаны у земли крепко. И по тому конату ходил мужик кумычанин и сверху вниз и ногами ухватяся за конат, а сам повиснул и руками плескал. А как по конату ходил вверх и вниз, и у него было в руках дерево сажени в полтретьи, а по концам у того дерева навязано песку в дерюгах. И скоморохи играли, и он по конату ходит во весь стол и до вечера“.²

Русских послов интересовали, как мы видим, самые разнообразные стороны жизни страны. Они внимательно приглядываются к народному искусству и столь же внимательно прислушиваются к чуждому им языку, старательно занося в свои статейные списки грузинские слова, которые они, по возможности, тут же истолковывают. Например, рассказывая о желании русского архимандрита Иосифа освятить грузинский храм, пострадавший при нашествии персов, русский посол говорит, что это встретило сильнейший протест со стороны грузинского архиепископа Зеведея, который кричал: „ара, ара (по-русски: не хочу, не хочу)...“.³

В 1640 году Московское государство отправляет в Кахетию новое посольство во главе с кн. Мышецким и дьяком Ключаревым. Послы везли кахетинскому царю Теймуразу I жалованную грамоту от московского царя Михаила Федоровича. В грамоте говорилось, что великий государь Михаил Федорович принимает под свою царскую высокую руку иверского царя Теймураза и его царевича Давида, обещает держать их в „милостивом призренье и в обороне и в защищенье...“.

¹ М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.

² М. Полиевктов. Материалы... стр. 391.

³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 143—144 — ара (ара) по-грузински; по-русски значит — нет.

Помимо выполнения официально-дипломатической части своей миссии, посольство должно было внести и определенный вклад в дело изучения Грузии в экономическом, политическом и культурном отношениях. С этой целью для кн. Мышецкого и дьяка Ключарева был составлен специальный наказ: „Да и того князю Еуфиму и дьяку Ивану розсмотреть в грузинской земле и роспросить про все и разведывать всякими мерами подлинно, какова и сколь пространна грузинская земля и на скольких верстах и сколь людна. И каковы люди и любят ли Теймураза царя и сына ево царевича Давида и впредь их себе прочат ли. И чем та земля изобильна, какой в ней хлеб родитца, и какие в ней узорочья живут, и в какову цену что продают или купят. И Картадея ныне за Теймуразом ли царем или за шахом, и будет за шахом, кто ею по шахову приказу владеет. И впредь того чаять ли, что тое Картадею шах Теймуразу царю отдаст, или иными какими мерами Теймуразу царю доступити ее мочно, или шах Теймуразу царю не отдаст, и самому Теймуразу царю некоторыми мерами доступити ее не мочно. И не нарушена ль в ней православная христианская вера... А разсмотря и разведав того всего накрепко, написати про то в статейном своем списке подлинно“.¹

Приехав в Грузию, кн. Мышецкий не упускает случая заносить в свой статейный список все, что случилось ему видеть и слышать в Грузии. Русский посол описывает, например, какому унижению подвергался кахетинский царь во время приема персидского посла. Так, в статейном списке читаем: „И посол князь Еуфим боярину Реваз бею говорил: для чево Теймураз царь и царевич Давид и все вы Теймураза царя ближние люди встречали шахова посла в челмах и в озямах покизылбаски? И боярин Реваз бей послу князю Еуфиму говорил: сами де вы то видите, что мы у кизылбаских людей живем в неволе. Только де нам так не делать, и нам от кизылбаских людей и часу не жить“.²

Такого рода сведения разбросаны по всему статейному списку.

В конце статейного списка кн. Мышецкий составляет нечто вроде отчета, в котором он собирает свои замечания и наблюдения о Грузии воедино и располагает их в определенном порядке.

И по рассмотренью и по разведываньк в грузинской земле князь Еуфима Мышецкого Картадея и Тефлиз за шахом, а владеет Картадеею и Тифлизом по шахову указу тефльской Рустом-хан. И Картадея и Тефлизу шах Теймуразу царю не отдаст, и собою Теймуразу царю грузинскими людьми Картадея и Тафлизу доступити не мочно, потому, что у Теймураза царя ратных людей не много, и земля ево вся запустошена и от кумыцких людей от частых приходов разорена... А жилых мест у Теймураза царя в земле к тефльской и к картадеевской стороне Кизык да Мартакон. А в иных местах деревень мало, и пашни в грузинской земле небольшие... во всей грузинской земле в деревнях всяких пашенных людей с 3000 дворов. И те люди поделены всем, Теймуразу царю и царевичу Давиду и властям и боярину Реваз бею и стольникам и азнаурам всем... А в Егорьевском монастыре Лаверды и в Крыме в Орхангельском монастыре и в иных монастырех и по мирским церквам во всей грузинской земле службы в церквах нигде нет, потому что власти все живут при Теймуразе царя, а по монастырям от кумыцких людей жить не смеют, и жильцов в тех монастырях и пашен никаких нет... А как шах воевал грузинскую землю, и по монастырем и мирским церквам все разорил и роскопал до основания. И дома бывали встарь, полаты каменные и те дома по тому ж разорены до основания, что отнюдь поделати их не мочно. И Теймураз царь живет, перезжая по деревням и по пустым местам, а в одном месте не живет. И станы ему ставят подле лесу, потому что у него безлюдно... И по смете все грузинские земли вдоль, от базару Зегеми

¹ М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого... , стр. 45.

² Там же, стр. 147.

до Аристопова владенья, верстах на 200. А поперег, от Шонты от кизылбаские стороны до кумыджких гор, долу ровного места верст з 20, в иных местех мало болши. Да от Шонты ж до Мартакопи, Теймураза же царя владенья, верст с 50, а от Мартакопи до Тефлизу верст с 7. А городов никаких в грузинской земле нет. А которые малые городки в грузинской земле встарь бывали, и как шах воевал грузинскую землю, и те городки шах разорил и розбил до подошвы. . . А земля в Грузех пахотная середняя, супесок; от пустоты поросла вся лесом. А хлеб сеют пшеницу, ячмен, чечевицу, боб. А пахут плугом на быках. А земля хлеб родит средней. А в какову цену что купят, того не ведомо, потому что в грузинской земле базаров и съезжих ярмонок нигде нет, и ничего не продают. И в деревнях своего и конского корму и овощу никакова купить не добыли. А овощь родитца в Грузех: яблоки, дули, армуды, нары, виноград, изюм. . . А люди в грузинской земле собою добрые есть. А бой у них лучной и копейный, а у пехоты сабли и пищали по-кизылбаски, з жагры.¹ И Теймураза царя и сына его царевича Давида любят и почитают и впрядь их прочат. . . А узорочья в грузинской земле никакова не видали, и торговых людей нет. А приезжают к Теймуразу царю из шаховы земли ис Тефлизу и из иных городов арменья с худым товаришком, с киндяки² и кумачи с пестрядью з бязью. . .³

Следует отметить, что в статейном списке кн. Мышецкого очень много места уделяется описанию деятельности русских художников-иконописцев, работавших в Грузии.

Пространный отрывок из отчета кн. Мышецкого служит прекрасным образцом того, какого рода сведения интересовали посольский приказ Московского государства.

Столь же значительным по характеру собранных сведений о Грузии явился и посольство стольника Толочанова к имеретинскому царю Александру в 1650 году. Во время своей поездки по Имеретии послы отмечали количество городов и селений, состояние торговли, сельского хозяйства и военного дела. Ими была составлена роспись городам и монастырям Имеретии.

Заслуживает внимания оставленное русскими послами описание древнего Гелатского монастыря, очень пострадавшего впоследствии от вражеских нашествий.

„Город Галат, каменной, стоит в полугоре, а под ним течет река, имя ей Красная, от города с полверсты. У города двои ворота, на них башни. У одних ворот затворы железные большие, на них чеканено письмо. А сказывал митрополит Захарей, что те ворота привезены из Кизылбаской земли, из города из Дербени в те поры, как ходил воевать Кизылбаскую землю Меретийский царь Давид. . .“⁴

В статейном списке Толочанова мы встречаемся с фактом, на который мы уже обращали внимание, — это внесение в статейный список грузинских слов вместе с их объяснением.

Например: католикос — „по их вместо Патриарха“,
азнауры — „по Русски Дворяне“,
тавады — „по руски Бояре“.

Следует здесь отметить, что немалое количество сведений о Кавказе получали русские и от грузинских послов, приезжавших в Москву. Одним словом, русские посольства XVII века по широте задач, стоявших перед ними, были как бы своеобразными научными экспедициями.

¹ Жагра — трут, палка для фитиля, пальник (М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого. . ., стр. 184).

² Киндяк — набойка, бумажная ткань с набитым однокрасочным рисунком (там же, стр. 185).

³ Там же, стр. 158—161.

⁴ Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652. Документы издал М. Полиевктов. Тифлис, 1926, стр. 144—145.

Общение между грузинами и русскими шло в XVII веке по разным путям; одним из этих путей было непосредственное знакомство русских с Грузией во время их поездок на Восток по торговым делам или с целью посещения Палестины. В одном из памятников паломнической литературы XVII века — в „Иерусалимском хождении“ купца Василия Гагары 1634 года — сохранился ценный, обильный бытовыми наблюдениями рассказ о Грузии:¹

А полем полде во Иерусалим. А шел на Грузинскую землю на город Тефлиз, а Тефлис город стоит на горе велицей каменной, да в Тефлисе же граде божим изволением есть колодези горячие, а над ними сделаны палаты вельми чудны, а в тех палатах бани, — парятся всякие люди, христиане и неверные; а парятся не вениками, и тех бань ни зную, ни лето не топят, так божим промыслом от воды горячи бани; а трут терщики кисеями мухоярными, а в банях срам закрывают фатами.

А подкопом Тефлиса града взяти никому нельзя; а приступ с одной стороны от Грузинская страны, а с иных стран никак приступати не мочно. А ров обведен круг того Тефлиса не деланой, так бог родил; то сечиваная гора, а глубиюно тот ров 10 сажень, а в нем вода таже горячая, что из бани идет. . . а меж их градов идет река именем Кура скрозь гору каменную, и по обе страны реки Куры города, и всех городов в том граде Тефлисе 4 града, опричь того града, что под землею сделан, а делал его Тифлиской царь Симеон. Да вверх по той же реке Кура, близ Тефлиса за 12 верст, стоит монастырь; а в нем живет Митрополит и Архиепископ, а храм в нем вельми чуден устроен аспидной, — аспид разных цветов; нигде такового строения не видал, что божие милосердие вельми чудно и красно устроено. Да против того монастыря, на другой стране реки Куры, стоит гора вельми высока, облаки от ней сходят; а вверх тое горы храм поставление древних царей Грузинских. Да близ той же реки Куры есть гора каменная велика, а на ней просечены 4 окна большие; а жил-де туг людояд в той горе, а ел тот людояд по человеку на всякий день. Да в той же Грузинской земле есть меж великих гор щели, а в тех щелях заключены звери Гохи и Магохи, заключены железными врата, кои писаны во Апокалипсисе; они выдут при последнем времени. А заключены те звери царем Александром Македонским. А про те щели мне сказывали Грузинский митрополит и архиепископ: ходил-де их Грузинец за зайцы с собакою, и заяц ушел в те щели, и за зайцем забежала собака. И те было звери в той пещере тое собаку из щели начали хватати выбиватца, и от дверей внизу камень отбит, и тое собаку хогели ухватити, и собака завищала, и от них ушла, и те звери почали выдиратся; и тот Грузинец подал весть Грузинцом, и пришед тех зверей заклали великим камением. А в прежних годах тех зверей неслышно было, и в двери не талкивались. . .

Рассказ русского купца Василия Гагары весьма замечателен. В нем мы находим самые разнообразные сведения, говорящие о широком интересе русского человека ко всем сторонам жизни виденной им страны. Здесь и интересные замечания о поразивших его серных банях, и сведения военного характера, и довольно подробное описание местоположения Тбилиси и Мцхета. Мы видим, что Василий Гагара интересуется и местными сказаниями и легендами; это некоторым образом подтверждает наше предположение о том, что обмен устным народным творчеством начался еще и в те времена.

Можно предполагать, что именно в XVII веке создались благоприятные условия для общения не только представителей господствующего класса Русского и Грузинского государств, но и широких масс трудового народа. Из демократических кругов брались разного рода слуги для многолюдных посольств — русских и грузинских; безвестные русские

¹ Текст этого „хождения“, сохранившегося в двух сильно различающихся между собою (именно в части рассказа о Грузии) редакциях, опубликован в следующих изданиях: 1) Православный Палестинский сборник, вып. 33, СПб., 1891; 2) Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. II, СПб., 1849; 3) Сборник Российской Публичной библиотеки, вып. 1, Пгр., 1924. Ниже текст цитируется по изданию, опубликованному во „Временнике имп. Московского общества истории и древностей российских“ (кн. 10, 1851, стр. 14—15).

паломники шли на Восток через Грузию; в северных предгорьях Кавказа происходили встречи местного населения с русскими, уходящими за окраины Русского государства от феодально-крепостнического гнета. В такой обстановке возможен был взаимный обмен и произведениями устной народной поэзии. Проф. К. Д. Дондуа в своей неопубликованной работе „Из фольклорных встреч восточных славян и картвелов (К вопросу о сходных сюжетах)“¹ сравнивает ряд русских и белорусских легенд с грузинскими и сванскими. Приведем для примера две легенды — русскую и грузинскую, которые К. Д. Дондуа сопоставил как родственные:

Русская легенда²

Жил одинокий парень. Поехал он пахать, пшеницу сеять... Парень пашет и песни поет. Шли по дороге Илья пророк и Миколай угодник. Илья поинтересовался — почему парень такой веселый. „Что мне не веселиться, — говорит парень, — лошадки ходят, ничего. Мне больше ничего не надо, только бы батюшка Николай угодник пшенички зародил“. Илья рассердился на парня: пшеницу родит он, а не Миколай. Говорит Миколаю: „Я ему пшеницу урожу, по колена будет, а после градом побью“. Николай приходит к парню и советует продать пшеницу. Тот послушался, продал ее богатому мужику. Прошла неделя, и пшеницу градом побью. Илья думает, что разорил парня. „Да ведь она не того парня: он ее продал. Ты правого разорил“, — говорит Илье Миколай. „Ну, ладно, — отвечает Илья, — у меня от этой градобойной пшеницы он (т. е. пострадавший мужик) двадцать сот нажнет с десятины“. Миколай идет к парню и советует ему купить обратно пшеницу у мужика. „Купил парень пшеницу за десять рублей десятину. Пшеница пошла и пошла, выжал он ее, двадцать сот нажал“. Илья думает: „У кого гродом убил, тому и зародил: он ее выжал совсем“. Когда же узнает от Миколая, что „выжал, да опять тот же, что сеял“, решил уمولоту ему не дать. Миколай и на этот раз перехитрил Илью. Наконец по совету Миколая парень несет два пирога в церковь: один — на голове „батюшке Илье Великому“, другой — „под правой пазухой — Миколаю угоднику“. Парень получает прощение.

Грузинская легенда³

Шли дорогою вместе Иисус Христос, пророк Илья и св. Георгий. Утомленные долгим путешествием, они остановились отдохнуть и, между прочим, пообедать. Около того места, где остановились отдохнуть путешественники, пас стадо овец пастух, к которому они послали пророка Илью выпросить одного барана себе на обед. Илья пошел к пастуху и говорит ему: „Подари мне, добрый пастух, одного барана.“ — „Гони хоть пол-стада, — говорит ему пастух, — но только скажи мне, кто ты такой“. — „Я — пророк Илья: я даю вам хлеб, посылаю на ваши поля дождь и вообще покровительствую крестьянскому труду“, — отвечает Илья. — „Ох! если б я не боялся своего бога, я разбил бы вот этой палкой тебе голову“, — говорит пастух. — „За что ты сердиться на меня?“, — спрашивает Илья. — „А вот за что: засеет несчастная вдова или какой-нибудь другой бедняк полосу земли хлебом, а ты ни с того, ни с сего, посылаешь град именно на их ниву и опустошаешь ее“. Так пророк Илья вернулся с пустыми руками к своим спутникам и передал им разговор, который имел с пастухом. Выслушав Илью, Иисус Христос сам отправился к пастуху просить у него барана. „Гони хоть пол-стада, — говорит ему пастух, — только скажи, кто ты такой“. — „Я господь ваш, творец мира“. — „Ох! если бы я не боялся бога моего, я развозжил бы тебе голову вот этой палкой“, — говорит пастух. — „А что я тебе сделал такое?“, — спрашивает пастуха Иисус Христос. — „А то, что ты губишь молодых людей, между тем, как оставляешь в живых много таких стариков, которым даже надоело жить“, — отвечает пастух. Таким образом вернулся ни с чем и Иисус Христос. Теперь пошел к пастуху св. Георгий. Когда пастух пожелал узнать о личности св. Георгия, то он ответил ему: „Я святой Георгий, которого вы призываете,

¹ Разрешение использовать данные этого исследования в моей работе было дано мне в свое время покойным К. Д. Дондуа, моим руководителем по аспирантуре.

² Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 270—272. (Примечание К. Д. Дондуа).

³ Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа, вып. XIX, 1894, отд. 2, стр. 152—154.

находясь в нужде; я защищаю вас от злых духов дьяволов и исторгаю вас из рук притеснителей". Выслушав св. Георгия, пастух воскликнул: „Гони все стадо“, — и пал пред ним на колени. После обеда Иисус Христос, отряхнув прах от платья, сказал: „Пусть на этом поле будет отличный урожай, пусть с одного снопа падает по сто коди (коди = трем пудам).

Здесь кончается первая часть сказки (своего рода завязка) и начинается вторая, представляющая собой занимающий нас сюжет:

Св. Георгий передает слова Иисуса Христа пастуху и советует ему вспахать это поле. Пастух так и сделал. Через несколько времени чудным путешественникам пришлось проходить по тому месту, где они недавно обедали и где теперь рос богатый хлеб. Иисус Христос, узнав от св. Георгия, что нива эта принадлежит тому пастуху, который в прошлый раз отказался подарить ему барана, сказал пророку Илье, чтобы он послал на ниву пастуха град и опустошил ее. Св. Георгий немедленно сообщил пастуху об опасности, которая грозит его ниве, и пастух поспешил продать ее одной вдове за два быка. Между тем пошел град и до того опустошил эту ниву вдовы, что от посева не осталось и следа. Когда Иисус Христос узнал о поступке пастуха, то он приказал пророку Илье восстановить на ниве вдовы посев в прежнем состоянии. Не успел еще пророк Илья привести в исполнение приказание Иисуса Христа, а пастух, по внушению св. Георгия, уже купил обратно себе ниву от вдовы. Когда нива была восстановлена пророком Ильей до прежнего состояния, то пастух приступил к уборке с нее хлеба и с каждого снопа получил по сто коди.

Поражает почти полное совпадение сюжетной линии этих легенд. Однако нет данных для того, чтобы установить, где первоначально сложилась данная легенда и когда она стала достоянием соседнего народа, творчески включившего ее в круг привычных образов и представлений своей национальной народной поэзии.

Как сообщают исторические документы, между Россией и Грузией имела еще одна форма культурного общения. Из статейных списков русских послов, из дипломатической переписки между русским правительством и грузинскими царями мы узнаем, что в Грузии, начиная с 1589 года до середины XVII века, работало десять русских художников-иконописцев.

В научной литературе не раз появлялись отрывочные сведения о московских художниках. Наиболее полные и ценные сведения о них мы находим у М. Полиевктова.¹

В Грузии в результате нашествий персов и турок было разрушено много церквей и других архитектурных памятников. Необходимо было хотя бы частично реставрировать разрушенное. Поэтому грузинские цари в своей переписке с русскими царями неоднократно просили прислать им иконописцев. Первым с такой просьбой обратился кахетинский царь Александр II: „Государству моему, как учинилось во крестьянской вере, тысяча двести шестьдесят лет; и в те времена от разоренья иноверных многие монастыри и храмы порушились, а ныне я то все хочу воздвигнути, их устроить при своем животе, как было преж сего. И о том великому государю приказывал есми с послы своими бити челом, чтоб ко мне прислал иконников...“²

Московские государи были явно заинтересованы в распространении своего влияния на Грузию, и поэтому они с большой готовностью отзывались на эту просьбу. Иконописцев посылали в составе посольств, направлявшихся в Грузию. Так как в Грузии было трудно найти материалы, нужные для иконописания, то из Москвы вместе с мастерами

¹ М. Полиевктон. Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941.

² С. А. Белокурова. Сношения России с Кавказом, стр. 125.

высылали и краски: „А для иконного писма послано с ними с Москвы красок: 2 фунта вохры цареградские, 10 фунтов вохры неметцкие... 2 фунта киноварю, 5 фунтов лазори цветные“¹ и т. д. вплоть до олифы.

В 1589 году впервые с посольством кн. Звенигородского было послано три иконника—Петр Дермин „с товарищи“ (Иван Тарасьев). В 1591 году было отправлено еще три иконописца: Максим Терентьев Базаров, Юрий Минин и Шигалей Васильев. В 1601 году—два иконописца: Первуша Барышников и Трофим Ларионов. И, наконец, в 1637 году с посольством кн. Волконского было направлено в Грузию два московских художника-иконописца: Семен Остафьев Казанец и Иван Данилов Костромитин. Таким образом в XVI веке было отправлено шесть иконописцев, в XVII веке—четыре.

Русские художники, посылаемые в Грузию, вероятно, были все хорошие мастерами и успешно справлялись с теми работами, какие им поручались. Поэтому неудивительно, что грузинские цари всячески стараются их удержать у себя, не взирая на требования русских послов отпустить мастеров на родину.

Так, в наказе кн. Мышецкому было сказано: „И как они послы, князь Ефим и дьяк Иван Ключарев, от государева дела в Грузех отдаютца, и учнет их грузинской Теймураз царь или сын ево из Грузей отпущать к Государю, и им князю Ефиму и дьяку Ивану, говорить Теймуразу... чтобы он отпустил [иконников], так как у них на Руси остались жены и дети, и совсем разорились без них“.²

Вот ответная грамота царя Теймураза. „И о том бьем челом тебе великому царю, да оставиши их у нас быти, им у нас, в нашей Иверской земле, писати им церкви и иконы...“.³

Где же работали русские художники, и какие работы выполнялись ими? Довольно точный ответ на это дают нам статейные списки русских послов.

Петр Дермин „с товарищи“, прибывшие в Грузию в 1589 году, производили работы главным образом по реставрации монастыря в Алаверды. Русский посол кн. Звенигородский в своей отписке к государю пишет: „А иконников, государь, Посника Дермина с товарищи Александр царь с нами не отпустил; а пишут, государь, в селе в Тогу в церкви и в Егорьевском монастыре Алаверды стенное писмо и местные образа Деисус и праздники“.⁴

Ценное указание относительно характера работ, производившихся русскими художниками, дает кн. Мышецкий при описании Алавердского монастыря: „А церков великого мученика Георгия писана стенным писмом. Писмо избито ис пицалей и исколото копы... Царские двери невелики. Писмо русское, московских государевых иконников... По правую сторону креста, на особой дке написан образ пречистые богородицы, стоящей лицом ко кресту, а с левою сторону образ Ивана Богослова, лицом ко кресту же. Писмо московских же государевых иконников“.⁵

Встречаются также сведения и о том, что русские художники работали и в Гречи—столице Кахетии. Они расписывали там стены церкви на сюжет библейской притчи о блудном сыне.⁶

¹ М. Полиевктов. Материалы..., стр. 165.

² М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого..., стр. 54.

³ Там же, стр. 88.

⁴ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 124.

⁵ М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого..., стр. 140—141.

⁶ Там же, стр. 156.

О судьбе иконописцев нам мало что известно. Почти все они умерли в Грузии, так и не вернувшись на родину. Известно, что царь Теймураз, чтобы удержать русских художников в Грузии, по женил их и дал на прокорм по крестьянскому двору и землю под пашню. Только одному из русских художников, Семену Остафьеву, приехавшему в Грузию в 1637 году, удалось вернуться на родину.

Ко всему вышесказанному можно добавить еще два интересных факта. Так, имеется сведение, что „28 апреля 1686 года цари Иоанн и Петр Алексеевичи приказали «послать к Меретинскому царю Арчилу Вахтаньевичу для иконного письма иконописца доброго» — Георгия Зиновьева — «из приказа Оружейной Палаты и быти ему у него царя Арчила до их великих государей указу, и для того прислать его в государственный посольский приказ» (столбец 194 года № 616)“.¹

Георгий Зиновьев — крупный художник, занимающий в истории русской живописи весьма почетное место. Он — один из лучших учеников Симона Ушакова. Работы его и сейчас можно видеть в залах Третьяковской галереи („Единородный сын“). В документах бывшей Оружейной палаты за 1667 год впервые упоминается Зиновьев под именем Георгейки Терентьева (т. е. Терентьевича): „31 мая этого года царь Алексей Михайлович указал... взять в Оружейную палату у Гаврила Петрова сына Островского вотчинного крестьянского сына Георгейка Терентьева, который учился писать иконному художеству Оружейные палаты у жалованного иконописца у Симона Ушакова... А иконописец Симон Ушаков сказал, что тот ученик его Георгейка иконное художество святых икон воображение писать искусен и пишет добрым мастерством“ (столбец 176 года, № 24).²

В 1682 году Зиновьева отправляют в г. Батурии к гетману Ивану Самойловичу для писания икон. „9 марта 1683 года Зиновьев, из приказа Малыя России прислан в Оружейную Палату по прежнему“.³

Из приведенного нами выше сведения о посылке Зиновьева к грузинскому царю Арчилу следует, очевидно, что Зиновьева отправляли не в Грузию, а в личное распоряжение царя Арчила, находившегося в это время в Москве. Зиновьев мог работать по заданиям грузинского царя Арчила в течение нескольких месяцев; в январе 1687 года он уже выполнял заказ Константинопольского патриарха. Известные работы Георгия Зиновьева могли оставить след в грузинском искусстве.

Возможно, что в свите Арчила были и художники-грузины. Во всяком случае А. И. Успенский в своем словаре упоминает о живописце Василии Грузинце (или Грузильце): „Грузинец или Грузилецъ Василий, живописец; в 1688 году (в августе) писал в церковь великомученицы Екатерины, во дворце, шкаф большой о 14-ти ящиках выдвигаемых «травы цветные и аспид цветной» (столбец 196 года № 630); в церкви Воскресения Христова, что вверху, писал «трое дверей церковных по обе стороны, сивиллы у одних дверей, по-сторонь ангели господни, поверх дверей — Деисус» (столбец 196 года № 651); такие же двери писал в сентябре этого года в церковь великомученицы Екатерины, во дворце; в той же церкви «и в трапезе серебрил оконные

¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, стр. 83.

² Там же, стр. 81.

³ Там же, стр. 82.

решотки» (столбец 197 года № 4, ср. № 22). 14 февраля 1701 года «бывший живописец Оружейной Палаты» Василий Грузилец послан был в Великой Новгород «за ружьем с припасы» (столбец 1701 года, № 131)¹.

Деятельность русских художников в Грузии — явление примечательное. Направлявшиеся в Грузию мастера-иконописцы были представителями московской живописной школы, „откуда вышли отличные мастера по бойкости кисти, отличной тщательности в отделке и выдержке характера лиц“².

Их работы не могли не оказать определенного влияния на развитие грузинского изобразительного искусства.

---

¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы. . . , стр. 64—65.

² В. И. Успенский. Очерки по истории иконописания. СПб., 1899, стр. 11.